

Навіны

Адкрыццё
Інтэрнет-кафе

У новым Інтэрнет-кафе, якое распачне працаваць 25 красавіка па вуліцы Няміга, 8, будзе прадстаўлена найноўшае абсталяванне камп'ютарнай тэхнікі. У адным з асобных пакояў у Інтэрнет-кафе.

Апрача хуткаснага доступу ў Інтэрнет, наведвальнікі атрымаюць магчымасць арганізаванага відэаканферэнцыі, запісваць інфармацыю на свае электронныя носьбіты, сканіраваць і раздрукоўваць тэкставыя і графічныя адлюстраванні, захоўваць звесткі. Як абслугоўваць прадстаўнікі "Х'юлет-Пакард" і ЕККО, кошт адной гадзіны ў новым Інтэрнет-кафе будзе на сярэднім узроўні сярэдніх падобных устаноў беларускай сталіцы. Кансультацыі і бесперабойную працу абсталявання забяспечыць шэсць кваліфікаваных інструктараў.

Аляксей АРЭШКА.

Тыдзень
расійска-
беларускага кіно

У кінатэатрах Магілёўскай вобласці завяршыўся тыдзень расійскага і беларускага кіно. Арганізатарам акцыі выступіла Магілёўскае абласное аб'яднанне "Кінапракат".

Жыхары раённых цэнтраў змаглі паглядзець папулярныя фільмы "Сын за бацьку" і "Асаблівае нацыянальнае паляванне" (Расія), "Зорка Венеры" (Беларусь), многія іншыя кінематаграфічныя творы.

Канстанцін УВАРАЎ.

Пікет
у падтрымку
НТБ

У Мінску, ля карпункта НТБ адбылася акцыя ў падтрымку журналістаў гэтага расійскага тэлеканала. Каля 30 актывістаў маляваў на руху "Зубр", якія скандзіравалі "Жыве НТБ!" і "Руки прочь от НТБ!".

Прадстаўнікі маляваў на руху "Зубр" сустрэліся з супрацоўнікамі карпункта і выказалі ім словы падтрымкі і абурэння дзеяннямі ўлад Расіі, якія фактычна ліквідуюць у гэтай краіне галоўнае дасягненне рэформ — свабоду слова. У якасці неформальнай падтрымкі супрацоўнікам карпункта была перададзена скрынка піва.

Па словах карэспандэнта НТБ ў Беларусі Паўла Селіна, грамадзяне Беларусі заклапочаны тым, што адбываецца вакол НТБ. У карпункт паступае шмат звонкаў у падтрымку журналістаў тэлекампаніі.

Генадзь БАРАБАРЫЧ.

Расце
колькасць
самазабойстваў

Па колькасці самазабойстваў Беларусь наблізілася да звышвысокага паказчыку: калі ў 1999 годзе ўзровень сціскаў склаў 28,7 выпадкаў на 100 тысяч насельніцтва, то летась — ужо 30,6.

Устаю ж у 2000 годзе ў Беларусі зарэгістравана звыш трох тысяч самазабойстваў. Такія звесткі прывёў начальнік упраўлення лабна-прадзіяльнай дапамогі Міністэрства аховы здароўя Беларусі Аляксандр Цыбін на прэс-канферэнцыі, прысвечанай Сусветнаму дню псіхічнага здароўя, які адзначаецца 7 красавіка.

Марат ГАРАВЫ.

Рост
захворвання
на вірусны
гепатыт

Сёлета ў Магілёўскай вобласці адзначаны працяг росту захворвання на вірусны гепатыт А.

Летась у вобласці былі зарэгістраваны ўспышкі віруснага гепатыту А: папярэдні 68 чалавек, у тым ліку 59 дзяцей. Ачагі захворвання знаходзіліся ў Слаўгарадскім і Бялыніцкім раёнах, а таксама ў Магілёве. Колькасць людзей, якія захварэлі на гэту хваробу, перавысіла ўзровень 1999 года ў 1,8 раза; часцей за ўсё хварэлі сельскія жыхары. Згодна з інфармацыяй урачоў, 15 працэнтаў летальных выпадкаў ускладненняў адбылося па прычыне нездавальняючай якасці пітной вады ў населеных пунктах.

Сёлета, зазначаюць эпідэміялагі, колькасць папярэдніх ад віруснага гепатыту А на тэрыторыі вобласці можа павялічыцца. Пакуль захворванне не зарэгістравана толькі ў Бабруйскім, Глукіскім, Дрыбінскім і Кіраўскім раёнах.

Канстанцін УВАРАЎ.

Случай во время поездки в Таллинн

Сергей АНТОНЧИК

Время лечит, время учит, время доказывает. Эти бесспорные истины подтверждают еще один непреложный человеческий закон: реальная сила и реальное значение человека определяются не количеством, а качеством его жизни. Как говорили мудрые люди: "Великим воздастся только на небесах". И лишь теперь, наконец, многие на Беларуси стали понимать, кого мы потеряли.

Место Карпенко в жизни страны по-прежнему пусто. Эта зияющая пустота, это острое чувство необходимости в нем, есть настоящая правда о Геннадии Дмитриевиче. Он был последним системным политиком, который реально мог оказывать влияние на главные политические процессы в стране. Его поддерживала политическая элита, он обладал административным ресурсом, не обладал реальной властью. Он мог привлекать средства и поддержку со стороны влиятельных политических деятелей, как на Западе, так и на Востоке. Он был готов управлять страной, он был готов взять ответственность за ее будущее.

Геннадий Дмитриевич был сделан из прочного материала. Таким людям свойственны целеустремленность, независимость, стойкость и великодушие. Он брался за работу только тогда, когда видел ее конечный результат. Он никогда не участвовал в виртуальных акциях, понимая, что затем неизбежно наступит пустота: ведь давно известно, замки на песке недолговечны, их обязательно смывает волна Времени. Он не участвовал в так называемых альтернативных президентских выборах. Он был одним из немногих, кто резко выступил против этой широкомасштабной политической имитации. Несмотря на драматизм ситуации, выдержав шквал критики и недоброжелательных вопросов. И, как всегда, оказался прав.

Геннадий Дмитриевич, работая на разных должностях, оставался верен своему главному принципу: учить своей идеей как можно больше людей. Поэтому, где бы он ни работал: директор завода, мэр города или в Президиум Верховного Совета, он всегда был окружен многочисленными единомышленниками, его команда всегда состояла из профессионалов. Такие методы не могли не гарантировать успех. Любые организационные формы будут Молодеченский исполком,

Президиум Верховного Совета, Совет партии или конгресс демократических сил он использовал как средство для достижения цели, а не как самоцель. Поэтому он без сожаления расставался с различными государственными, общественными, партийными должностями. Он снисходительно и одновременно с нескрываемым удивлением наблюдал за потными от нетерпения политическими мальчишками-нарищиками, стремящимися любыми путями что-то воззвать. Он знал "Четко", что не позволяло ему провалиться за деньги, должности, положения. Многие недальновидные политики часто упрекали его в излишней мягкости, нерешительности, промедлении. Он никак не отвечал на эти упреки. Геннадий Дмитриевич никогда не торопился событиями. Он был свободен от честолюбивых, нетерпимости и агрессии были ему чужды. Он никогда не посягал на право ВРЕМЕНИ расстав-

лять все по своим местам. Поэтому никогда не ошибался в главном. Время доказало его правоту и его прозорливость. Его идея объединения всех прогрессивных сил страны в конгресс демократических сил актуальна, как никогда, именно сейчас. Созданный им Национальный исполнительный комитет (НИК) стал тенью правительства не какой-то узкой политической группировки, а широкой коалицией профессионалов. Он как ученый привнес в политический процесс методологию, принятую в ученой среде: когда путем эксперимента из отдельных фрагментов складывается цельная картина явления и только потом принимается нужное решение. К сожалению, теперешние высокомерные политические недорослы не обременяют себя изучением этого бесценного опыта.

Геннадий Дмитриевич обладал мощной, почти мистической духовной энергией, которая

притягивала к нему совершенно разных людей. Некоторые из них впоследствии предавали его, потом возвращались, чтобы снова предать. Он принимал их обратно, прощал без слов, не мстил и не упрекал. Очевидно, так мог поступать только истинно человеческий человек.

Карпенко политик не победил Карпенко человека. Он не умел врать, он смеялся, когда ему говорили, что политика — грязное дело, потому что знал, что подлость рождает только подлость, а предательство — предательство. Его неординарный пронзительный ум гармонично соединялся с доступностью и простотой в общении. Он был лидером. Будучи ученым, членом-корреспондентом Академии наук, он для многих простых людей оставался своим парнем с городских окраин. Никогда не забуду, как во время открытия футбольного сезона в Молодечно, а это было после праздника Пасхи, человек с явными признаками уличного бродяги, минув все ограждения, бросился к Геннадии Дмитриевичу и вручил ему пасхального яйца. Сама по себе возникла пауза, несколько тысяч человек, сидевших на трибунах, замерли, а Геннадий Дмитриевич, такой большой и улыбающийся, обнял этого немолодого, потрепанного жизнью человека, принял его дар как самую главную драгоценность в своей жизни, усадил его рядом с собой и о чем-то долго с ним беседовал, а потом с гордостью рассказывал всем, что этот человек когда-то работал у него на заводе рабочим. Надо было видеть его глаза в эти минуты: они светились, излучая неподдельную радость, они как бы говорили: "Меня помнят люди, я нужен им".

"Остаюсь с обманутым народом" — любимое выражение Геннадия Дмитриевича, упомянутое им всегда в шуточной форме, на самом деле оно было его духовной идеей, его жизненным выбором. Он любил делать людям добро, и ему это доставляло радость и удовольствие. Он отдавал им то, чего порой не хватало ему самому. И насколько об этом не жалел.

Наверняка ему было тяжело, чем другим. Он не мог себе позволить даже минутной слабости, никто и никогда не слышал от него жалоб. Воспитанный послевоенной утилей, он, привыкший держать удар и на оскорбления отвечать по-мужски сразу и конкретно, став известным политиком и ученым, вынужден был себя сдерживать. И только иногда накопившаяся энергия "неответа" прорывалась

в нем в форме язвительных, ироничных и метких характеристик. Его насмешливые выражения типа "бешенство бабки", адресованные конкретному политическому лицу, повторялись не только журналистами и политиками, но и простые люди в очереди, на улице, в электричках.

Живем мы, как известно, в тяжелые времена. Среди хамства, лжи, грязи сложно сохранить жизнелюбие и оптимизм. Сложно не ожесточиться, не обидеться на весь мир, не замкнуться в своих переживаниях, источая ненависть и злобу. Геннадии Дмитриевичу удавалось оставаться самим собой, не теряя присущего ему чувства юмора, даже в серой, будничной монотонности находить, выставляя на всеобщее обозрение, положительную сторону жизни. Если же не было, он ее изобретал, выступая в этом случае непревзойденным сценаристом, режиссером и автором.

В этой связи мне вспоминается характерный случай, происшедший во время нашей совместной с Геннадием Дмитриевичем поездки в Таллинн. Тому, кто ехал в дальнее автомобильное путешествие, известно чувство усталости и апатии, которое возникает после 8—10 часов бесперывной езды, когда уже все анекдоты рассказаны, все перевернуто и почти все выпито. Пассажиры впадают в своеобразную дорожную кому, уныло отсчитывая в полудреме оставшиеся до конца поездки километры. В самый разгар такого состояния Геннадий Дмитриевич решительно предложил остановиться, чтобы, как он сказал, размять ноги. Все покинули гостеприимный и уютный "Рафик" и разбрелись по придорожному лесу. Углубившись в лес, я неожиданно столкнулся с мальчуганом лет 8—10 в отцовском дождевике, подвешенном на ремешке, с не по-детски смелыми, смеющимися глазами. Чем-то он очень напоминал известного толстовского Филиппка, и я, ничего лучшего не придумав, спросил, как его зовут. Мальчик серьезно посмотрел на меня и с достоинством сказал: "Меня зовут Сергей, а фамилия моя Антончик". Мне показалось, что я ослышался, я переспросил. Ответ последовал тот же — "Сергей Антончик". Я был ошеломлен: встретить совершенно случайно за тысячу километров от Беларуси в лесу ребенка, носившего мое имя и фамилию, это уж слишком. Не говоря больше ни слова, я взял его за руку и привел к машине. Собрав всю нашу делегацию, попросил его повторить

имя и фамилию. Мальчик немедленно исполнил мою просьбу. Крайне удивленный, я машинально спросил его: "А кто твой папа?". Его ответ с указанием пальцем на меня утонул в хохоте присутствующих. И только Геннадий Дмитриевич с серьезным видом стал меня всячески поздравлять с наконец-то найденным внебрачным сыном. Ничего не понимая, я неуклюже пытался что-то возразить в смысле того, что этого не может быть, на что Геннадий Дмитриевич опять же с невозмутимым видом предложил принять компромиссное решение: "Пока отцовство еще точно не установлено, придется тебе,

Сергуня, побить мальчишку крестным". Это предложение вызвало новый приступ веселья у наших попутчиков, а до меня, наконец, стал доходить смысл происходящего. Геннадий Дмитриевич успел встретить и предупредить "Филиппка" раньше меня. И этот спектакль блестяще удался. Отпустил моего "крестника" домой, предупредив, чтобы не нагружал его подарками, мы продолжили свое путешествие. Весь оставшийся путь пролетел легко и весело: подначкам, шуткам, великому множеству вариаций на тему отцовства и разбросанных по всему миру детей не было конца.

Личности не тиражируются

Татьяна, дочь Геннадия Дмитриевича, сама обаяние. О таких детях говорят: это как награда родителям за все хорошее, чистое, светлое, принесенное ими на алтарь любви, семейной жизни. Красавица, умница и ко всему — добрейшая душа. Отцовца любимица. Она чувствовала, видела, знала, что отец в ней души не чает, и отвечала ему искренней и нежной любовью.

Татьяна КАРПЕНКО

"В ежедневной рутине вряд ли осознаешь, как необходим тебе близкий человек, не ценишь его. Кажется, что он будет вечен. Но неожиданно все рухнуло. И остались только боль и воспоминания. Воспоминания каждого дня: шутка или серьезный разговор, неприятная или радостная минута и все представляется необыкновенным. Вспомню, спохвачусь, что его рядом нет, и чувство отчаяния, безысходности захлестывает так, что не знаешь, как жить дальше.

Хоть это и звучит банально, но жизнь папы я сравниваю с горькой сменой. Она горела в мрачной и злобной комнате ярким пламенем, согревая окружающих теплом, добротой и уверенностью. Только она не догорела, а кто-то погасил ее. И вокруг стало темно.

Вспоминая детство, годы учебы. Вспоминая мне и кажется: вроде и не было ничего такого особенного, все вроде было так, как и у всех моих ровесников, друзей и подруг. А с другой стороны — все у нас было совсем другое, непохожее. Даже в дет-

ве, когда папа не занимал еще каких-то должностей, какого-то особого положения в обществе. Уже тогда и одноклассники, и учителя его почему-то выделяли. Наши родители, папа в особенности, ходили не только на родительские собрания, они ходили просто в школу. Отец подолгу разговаривал с учителями, узнавал про наши оценки, успехи, и когда делал какие-то замечания, то чаще всего в шуточной форме, превращая серьезный разговор, нравоучения в шутку. И вот теперь, когда вспоминаю, что и как говорилось Диме и мне, понимаю: те его шутки воспринимались нами легко, но вполне серьезно. Сейчас я понимаю, что отцу были важны не оценки, а наше стремление.

Самое первое, пожалуй, и самое приятное, светлое, теплое воспоминание — это ощущение покоя и счастья, которые я испытывала с отцом. Маленькой мне было так хорошо у него на руках. А когда подросла, часто притворялась сонной для того, чтобы он взял меня на руки. Едем, скажем, с ним в автобусе или троллейбусе, я в конце концов возьму да и "усну". Он берет меня на руки и несет домой. Принесет и

я тут же засыпаю... Думаю, что отец понимал эту мою иту и охотно подыгрывал мне в моих уловках, ему, наверное, было тоже приятно взять меня на руки и нести по лестнице домой. Это был вроде как наш тайный, молчаливый договор: мол, я знаю, что мне хорошо, но я знаю также, что и тебе хорошо.

Я не могу похвастаться, что мы с папой проводили много времени вместе. Мы не часто ходили в цирк, кино, театр или просто к кому-нибудь в гости. Когда стали старше, мы не ходили к нему на работу или на деловые встречи, приемы. Не вмешивались в разговоры папы. Но мы чувствовали его любовь и заботу в минуты радости и в минуты горя, разочарований.

Очень большую моральную поддержку оказал мне отец, когда я поступала в институт, в будущий институт народного хозяйства, который окончившая и мама, а сейчас экономический университет. Я в школе думала о том, чтобы стать врачом, причем хирургом, мечтала поступить в медицинский институт. Отец не был против, только однажды сказал полусерьезно: мол, хорошен-

ко подумай, твое ли это дело быть хирургом. Он предложил ходить в больницу, посмотреть, как проводят операцию. Я не пошла, испугалась. И все больше склонялась к экономическому образованию. Это более перспективно. Во-первых, тогда уже вовсю говорили о реформах в экономике. А во-вторых, экономическое образование поближе к гуманитарному, оно дает более широкую, более универсальную, почти энциклопедическую подготовку. При поступлении в институт отец очень помог мне морально. Два экзамена я сдала, оставшаяся последний, третий. Я почему-то засомневалась в своих возможностях, да и в необходимости этого шага — поступления в институт. Отец почувствовал мое настроение. Подошел, заговорил со мной очень просто, без намека на нравоучение, но как-то очень доходчиво и убедительно: о том, что образование — не самоцель, что это пригодится обязательно в жизни, что без образования, кем бы я ни была, где бы ни жила и что бы ни делала,

перспективы у меня не будет, что в XXI веке, в котором пройдет моя взрослая жизнь, образование будет иметь еще большее значение. И этот простой разговор дошел до меня, я незамедлительно для себя как-то приободрилась, собралась, сдавала экзамен и стала студенткой...

Никогда не забуду и то время, когда я стала матерью. Сразу после рождения моя дочь Анастасия тяжело заболела, жизнь ее висела на волоске. Если бы не отец, я не знала, все ли обошлось бы. Не уверена. И потом, когда мы с дочуркой возвратились после всего пережитого из больницы домой, я каждую минуту чувствовала поддержку отца, слышала его одобрительное, оптимистическое слово. Если мама, муж, брат не всегда могли скрыть свое беспокойство и оно перепалывало мне, то от папы было уверенностью, покоем. В любую минуту я понимала, что у меня есть папа — надежная опора, моя броня, неприступная стена, есть отец, которым я горжусь, с которым я могла всегда и во всем брать пример.

Приходилось встречать людей, которые с завистью отно-

сились к папе и нашей семье. Некоторые из-за своей низости и подлости перед властями выплескивали на нас всюкую грязь. Но большинство людей и в школе, и в институте, и на работе поддерживали, интересовались позицией отца по отношению к Лукашенко и его окружению.

Отец любил стихи, дружил с белорусскими поэтами: Нилом Гилевичем, Геннадием Буравичем... Любил музыку, увлекался танцами, любил танцевать. Шутли практически в любой ситуации. И вообще, папа любил жизнь. Летом мы почти всегда отдыхали вместе. Никогда не забуду последний отдых всем семейством: мама, папа, Аня (дочка Димы) и я с мужем. Мы ехали в Болгарии автобусом. Помню, некоторые удивлялись: смотрите, Карпенко едет автобусом, как просто!.. Каждый день отдыха в Болгарии запомнился: и маленькими кафе, где мы обсадили, и детскими аттракционами, и морем, а главное — общением друг с другом, с отцом...

Теперь, когда отца нет, вспоминаются, выплывают откуда-то из закоулков памяти моменты, на которые при его жизни не обращали внимания. А сейчас они приобретают какое-то особое, роковое, что ли, значение. Помню, как-то сидели у телевизора. Во время рекламной паузы по Российскому телевидению переключили телевизор на белорусский канал, где, как всегда, на экране одно и то же лицо с рукой у сердца. И папа вдруг сказал: "Вот выбрали себе президента, и это уже до конца жизни". Я спросила: "Папа, почему же до конца жизни?" Он не ответил. Получилось, что действительно, до конца папиной жизни.

А однажды, в мой день рождения, он говорил тост и невзначай сказал: "Ну, Таня, в твой день рождения я хочу тебе сказать: продолжай! А в следующий день рождения ты уже будешь мамой". Та пауза почему-то мне тоже запомнилась.

Папа любил людей. Он прощал даже тех, кто причинял ему зло. Это хорошая черта — любить людей. Папа делал добро многим. Он не мог никому отказать, порой даже понимал, что этому человеку не следовало бы помогать, но все равно отказывать не мог — и помогал. А приходило к нему множество людей с самыми разными просьбами. И он всем старался помочь.

Мы оберегали папу. Даже если случались какие-то семейные споры или обиды, стара-

лись не втягивать в них отца. Домой он должен прийти и чувствовать, что дома его полностью поддерживают, понимают и защищают. Он много работал, много писал, много ездил. Мы боялись за него, опасались физической расправы над ним, особенно когда он уезжал на встречи в другие города. Каждый раз, когда он возвращался домой, мы выдыхали с облегчением.

Наша семья была готова к любому унижению, оплеванию, потере друзей, работы. Папа горю, что теперь не 37-й год и нельзя просто убить человека и скрыть это, и он не будет такого рода утрат. Но он ошибся. После смерти папы, когда не прошло еще и сорока дней, мне пришлось странной сней. Похороны. Гроб стоит у подъезда. Я склонилась над гробом и говорю: "Папа, если тебя убили, то открой глаза, а если нет, то мы успокоимся и не будем тебя тревожить". И папа открыл глаза, посмотрел на меня...

Когда человек болеет и умирает — что ж, тяжело это, но приходится смириться. Но с папой — другое дело. Он всегда смело, открыто выступал на митингах, на встречах с людьми, печатал статьи в газетах против существующего режима. И мы боялись за него. Но не могли допустить, что за это можно быть убитым. Говорят, время летит. Не знаю, так ли это. Чем больше времени проходит, тем острее чувство, как не хватает мне, всем нам отца. Не забывается горе, не утихает боль. Я убеждена, что найдутся люди, которые помогут нам узнать правду, раскрыть тайну его убийства. Пусть даже через несколько лет, когда сменится власть. И тогда мы напомним о нашем горе, унижении, тем, что он отдавал жестокие приказы, и тем, что безрассудно выполнял их.

И еще хочется вот что сказать. Одна слабость есть у белорусского народа — неспособность постоять за себя и неумение гордиться своими заслуженными людьми. Ведь личности не тиражируются, их нужно оберегать, всячески поддерживать, ими надо гордиться. И мне обидно, что лучшие люди в нашей стране не востребованы, никому вроде бы и не нужны, а какие-то подхалимы, лжецы и рвачи нужны. Есть определенный процент людей, которые понимают, что дальше так жить нельзя. Но когда же народ прозреет и начнет здраво мыслить? Папа работал для достижения этой цели...

